

ПРЕДСТАВЛЯЯ РУБРИКУ

Даже спустя 25 лет распад СССР — это прошлое, которое всё ещё «не прошло». Россия, как и все страны, некогда входившие в ближний круг советской сферы влияния, до сих пор ощущают последствия геополитической катастрофы, живя будто в тени огромного облака пыли, взметнувшегося вверх после обрушения гиганта. В границах «долгого времени» это прошлое неотлично от настоящего, поскольку оно присутствует на всех уровнях социальной жизни: от структур повседневности до высокой политики. Таким образом, изучение коллапса СССР является путём к пониманию того мира, в котором мы живём сейчас. Это и обуславливает актуальность данной темы.

Хотя данная рубрика носит «юбилейный» характер, у нас есть основания сказать, что она была задумана не зря. Прежде всего, заинтересованный и вдумчивый читатель найдёт здесь разные взгляды на трансформацию коммунистических режимов.

Чем больше времени проходило после воодушевляющих событий 1989—1991 гг., тем больше появлялось подозрений насчёт того, что многомерный коллапс был отнюдь не общей судьбой «красных» диктатур, а лишь одним из вариантов исхода. И речь здесь идёт не о Кубе и Северной Корее. Китай — вот тот исторический случай, к которому мы неизбежно обращаемся, пытаясь найти некие общие системные причины распада Советского Союза. Именно поэтому рубрика открывается широкой макросоциологической панорамой Г.М. Дерлугьяна. По большому счёту макротеории, рассматривающие отдельные государства как часть мировой системы, способны объяснить как коллапс СССР, так и то, почему Китай избежал этой участи. Действия отдельных личностей, к разочарованию читателей мудрости Дэн Сяопина или морального порыва (а быть может, и злого умысла) М.С. Горбачёва, здесь явно отходят на второй план, а на первом остаются взаимосвязи стран с внешним миром и зависимость от их предшествующего развития. СССР и Китай к началу демонтажа государственного социализма имели ощутимо разную сумму накопленных издержек и достижений, что во многом и предопределило их дальнейшую историческую траекторию.

За «макровзглядом» Г.М. Дерлугьяна следует несколько не столь широких по контексту, но более детальных статей.

Случай Китая на солидной эмпирической основе разбирает С.А. Иванов. В центре внимания всего один вопрос: почему правящий режим в КНР смог пережить 1989 г.? Китайская коммунистическая элита справилась с той же проблемой, перед которой оказалось бессильно советское руководство. Удивительно, но в Китае образца 1989 г. многое сильно напоминало СССР: рост народных волнений, раскол правящей элиты, обветшавшая идеология. Однако чем эти две страны действительно отличались, так это международным положением и глубиной интеграции в мировую экономику.

Второе, на что нам хотелось бы обратить внимание особенно тех, кто занимается новейшей российской историей, — представленные статьи в своей совокупности показывают нам «место для шага вперёд»¹. И не своими выводами, а как раз теми вопросами, которые возникают после их прочтения. Все авторы, которые пишут о распаде СССР, явно или косвенно обращаются к привычному объяснению этого процесса через национализм и этнические восстания. Национально-сепаратистские движения, безусловно, подрывали государственные устои, но сами по себе они не были достаточным условием для развала страны. А.В. Шубин указывает вот на какой, принципиально важный, но мало кем замечаемый момент: связь между этническим сепаратизмом в СССР и полным распадом страны чисто умозрительна, причём установлена она уже постфактум.

Здесь сразу вспоминается самое уязвимое место блестящей геополитической теории Р. Коллинза. Она объясняет сокращение советской мощи, но уже не так убедительна в интерпретации причин распада самого СССР и тем более падения коммунистического режима. Действительно, Москва к 1991 г. фактически уже не распространяла своё влияние на Восточную Европу, отношения с США и Западом в целом были более чем налажены — иными словами, геополитическое напряжение явно ослабевало, а сепаратистские устремления были неравномерно распределены по этническим республикам. Почему СССР распался полностью, а не «откупился» предоставлением независимости самым «строптивым» республикам Прибалтики и Закавказья?

А.Е. Савченко дополняет эмпирический анализ А.В. Шубина, старясь показать, почему именно тот вариант реформ, который был реализован в СССР, казался М.С. Горбачёву наиболее привлекатель-

¹ Слова из одноимённой песни Виктора Цоя, вышедшей как раз в поворотном 1989 г.

ным. Автор не смог избежать погружения в международный контекст развернувшейся политической драмы. В итоге именно связка «международный успех перестройки — децентрализация — рождение публичной политики» выступает главной движущей силой распада СССР в его статье. Но тогда встаёт вопрос, который хоть и не поставлен в тексте, однако напрямую из него вытекает: почему не распалась Россия, где государственность была выстроена по советскому образцу, сепаратизм регионов нарастал, децентрализация ускорялась, а публичная политика была не менее живой, чем в позднем СССР? Возможно, тот, кто сумеет убедительно ответить на все эти вопросы и разгадать тайну советского коллапса, получит широкое признание.

С другой, на первый взгляд, далёкой от избранной темы стороны, А.Н. Королёв задаёт свой вопрос: а выступает ли демократизация необходимым условием социального благополучия? Его ответ короток, но статистически обоснован и потому безжалостен для сторонников прорыва к свободе — нет. Наоборот, рост межэлитной конкуренции — неизбежного следствия демократизации — подрывает способность государства удовлетворять базовые нужды граждан. Не правда ли, здесь есть над чем подумать как тем, кто изучает извилистый путь перестройки, так и тем, кто сегодня утверждает, что в России не может произойти ничего хорошего, пока демократия и свобода не хлынут на её бескрайние просторы?

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех вышеназванных работах нет какой-либо одной главной причины того, почему СССР постигла катастрофа и как её удалось избежать Китаю. Наоборот, перед нами предстают разнообразные сочетания не очевидно связанных между собой условий и часто ситуативных решений. Успешные действия на одном направлении политики на другом приводили к блокировке альтернативных вариантов событий и решений. Демократизация и коллапс СССР на фоне «завинчивания гаек» и последующего рывка Китая — это результат не чьей-то правильной или ошибочной стратегии, а игра разнообразных исторических условий, разгадывать которые и есть настоящее призвание и удовольствие историка.

С.А. Иванов, заведующий Отделом китайских исследований Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН, канд. ист. наук,

А.Е. Савченко, заместитель директора по науке и развитию ИИАЭ ДВО РАН, канд. ист. наук.